

Univerzita Karlova v Praze
Husitská teologická fakulta

Mgr. Oleksandr Belya

**MYŠLENKOVÉ A REFORMNÍ PROUDY
V UKRAJINSKÉ PRAVOSLAVNÉ CÍRKVI V PRVNÍ
POLOVINĚ XX. STOLETÍ**

**ИДЕЙНЫЕ И РЕФОРМАТОРСКИЕ ТЕЧЕНИЯ В
УКРАИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX СТОЛЕТИЯ**

Autoreferát doktorské disertační práce

Praha, 2010

Předkladatel doktorské disertační práce:

Mgr. Oleksandr Belya

Doktorský studijní program: Teologie
Studijní obor: Husitská teologie

Školitel: Prof. ThDr. Jan B. Lášek

Oponenti doktorské disertační práce:

.....

.....

.....

Obhajoba disertační práce se koná dne

v.....na.....

.....

.....
před komisí pro obhajobu disertační práce. Předsedou komise
byl jmenován

.....

Předseda oborové rady:

Děkan fakulty:
Prof. ThDr. Jan B. Lášek

UK v Praze HTF

UK v Praze HTF

Úvod

Украинское церковное движение в первой половине XX века получило особенно выразительный стимул к развёртыванию своего содержания, поскольку мировые катаклизмы способствовали этому процессу. Первая мировая война отметила резкий переход к качественно новому историческому измерению, приведшему к крушению прежних геополитических систем.

Соответственно, обнаружилась и церковная дифференциация как следствие разрушения государственно-политической целостности. Особенно отчётливо эта тенденция проявилась в исторической судьбе украинского православия в XX веке, стремящегося определить свою самодостаточность в раздробленном бывшем российском имперском пространстве.

Однако это стремление к церковно-исторической самобытности столкнулось с целым рядом как внутренних так и внешних факторов, в значительной степени деформировавших неустойчивое состояние целостности украинского церковного движения. В конечном итоге этот дезинтегрирующий процесс стал причиной устойчивой дифференциации и маргинализации украинского православия.

Внешние исторические обстоятельства актуализировали украинскую церковную идею. Но для завершённой самореализации ей необходимо было иметь достаточный внутренний ресурс, опирающийся на архетипную основу. В этом отношении и выявилась наибольшая сложность.

Украинская церковная идеология и реформаторство в своём радикальном проявлении предприняли попытку отсечения своей архетипной глубины, полностью полагаясь на внешний пафос церковно-исторической самореализации. В таком случае неизбежным

стало его маргинальное отчуждение от архетипной основы вселенского православия и подверженность зависимости от идеологических и политических предпочтений времени. Отсюда и самые неожиданные метаморфозы украинского церковного движения, превративших его в мозаику противоречивых тенденций и течений.

В композиционном отношении исследование распределено на четыре части, которые обрамляются вступительной и заключительной частями.

Вступительная часть определяет характерные особенности украинского православия в первой половине XX века. Динамическое состояние этого времени как бы способствовало актуализации украинской церковной идеи, но внутренние и внешние аспекты её развития не обрели последовательной целостности. Поэтому результирующая этого процесса обнаружилась как противоречивое состояние, отмеченное внутренней опустошённостью и внешней неубедительностью.

Украинская церковная идеология оттолкнулась от «революционной парадигмы», полагаясь исключительно на внешние формы церковного обновления. Логическим следствием такого процесса стало всеобъемлющее оскудение украинской церковной жизни.

В Первой части исследования обозначен методологический аспект в его комплексном представлении. Из этой комплексности необходимо выбрать ведущее направление исследовательского процесса. В нашем случае доминантой стала аналитическая составляющая, поскольку статистическая и идеологическая в многочисленных изысканиях в достаточной степени изложены.

Вторая часть указывает на производность украинского церковного движения в общенсторическом определении. Это позволяет исследовательскому процессу выйти за рамки идеологических предпочтений и представить исследуемое историческое явление в общеевропейском контексте, относительно которого маргинальное явление становится ещё более выразительными. В данном случае прослеживается и весьма убедительная логика внутренних тенденций украинского православия, сохраняющая неразрывную связь его начального этапа с современными.

Третья часть посвящена вопросам формирования идеологической концепции украинского церковного движения, которая наиболее отчётливо обнаружила себя в радикальных течениях. Практическую реализацию и теоретическое обоснование эта концепция получила в обновленческих усилиях Липковского и канонических изысканиях Лотоцкого.

Итогом такой деятельности стал своеобразный «экклезиологический прецедент» в истории украинского православия, вызвавший однозначную оценку как со стороны православных исследователей, так и инославных.

В Четвёртой части излагаются особенности украинской церковной реформы, которые имели последствия для судьбы украинского православия как на Украине, так и за её пределами.

В своей основе эти реформационные побуждения опирались на национальный пафос. Незрелость самой национальной идеи только способствовала разрыхлению украинского православия изнутри. Всё это привело к тому, что украинская реформационная церковная деятельность вылилась в весьма отчётливый церковно-исторический курьёз. В конкретных проявлениях он обнаружился как «самосвятство»

Липковского, «каноническая теория» Лотоцкого, «научная деятельность» Огиенко.

Курьёзность такой тенденции подтверждается и современным состоянием украинского православия с его «автокефалиями» и «патриархами».

Заключительная часть отмечает неизбежную маргинализацию и дифференциацию украинского церковного движения. Дистанцируясь от своей архетипной основы и не обладая достаточным внутренним ресурсом, оно обрекло себя на продолжительный и противоречивый путь поиска своей исторической самоидентификации и церковной самодостаточности.

Заданная тема в необходимой степени является актуальной для исследователя, поскольку украинское православие продолжает пребывать в поиске своего места в пространстве вселенского православия. Этот поиск затянулся на продолжительное время. С аналитической точки зрения важно определить тенденцию этого поиска, его поиска и возможное завершение.

Цель предлагаемого исследования заключается в том, чтобы маргинальные признаки украинского церковного движения обозначить в контексте общеевропейской истории. Это позволит более глубоко осознать внутреннюю сущность украинского православия и его историческую актуализацию в общецерковном смысле.

Метод исследования зиждется на генезисно-континуальной целостности исследуемого объекта. Всякое историческое явление подлежит непрерывному процессу раскрытия своего содержания, которому свойственны как внутренние так и внешние причинно-следственные связи. В своей совокупности они и представляют объёмный образ исследуемого явления. В таком же ракурсе в нашей

диссертации исследуется украинское православие как церковно-исторический феномен XX века.

Научная новизна изыскания определяется как более тщательный и глубокий анализ архетипной основы украинского православия. От этой основы зависит логика его развития и все драматические последствия, с которыми оно столкнулось и ещё столкнётся в процессе своей исторической реализации.

Obsah a struktura práce

Во Введении исследования анализируются наиболее существенные особенности украинской церковной идеи. В XX веке эти особенности имели исключительно рельефные выражения. Поскольку в данном случае церковная идея непосредственно увязывается с национальной, возникла необходимость в исследовании феномена «украинства».

Русская и особенно украинская историография по-разному оценивают это историческое явление. Если русская историография определяет украинство как производное ответвление от единого русского архетипа, то украинноцентристская точка зрения воспринимает его в достоинстве независимого и самодостаточного исторического образования.

Русские исследователи отмечали, что в начале XX века появилась тенденция к «созданию искусственных государств, искусственных народов и искусственных языков». В этом русле стала формироваться и украинская национальная идея.

Следует указать, что исторические обстоятельства способствовали такой тенденции, поскольку обострились внутримперские и межимперские противоречия. Украинская идея возвращалась в пространстве российской и австрийской имперских доминант. В конечном итоге взаимодействие этих доминант непосредственным образом обусловит развёртывание и украинской национальной идеи, соответственно, и церковной.

Внутримперские противоречия вызовут к жизни украинский национальный пафос, которому в значительной степени будет содействовать «польский фактор» с его антирусской и антиимперской риторикой. Таким образом, украинское движение оформится в

определённое общественное явление, набирающее силу с обострением межимперских противоречий.

Эти противоречия в контексте общеевропейской ситуации обнаружатся как российско-германо-австрийское противостояние, кульминационным выражением которых станет Первая мировая война.

И тогда украинская идея, как одна из производных некогда единого русского пространства, сделает попытку обрести достоинство самодостаточности и независимости в государственно-политическом и церковно-каноническом аспектах.

Драматизм этой попытки заключался в том, что она основывалась на политическом радикализме того времени. И с украинской церковной идеей случилась своеобразная «большевизация», характерной особенностью которой являлось бескомпромиссное отсечение прошлого опыта и пафос созидания нового на месте полностью разрушенного старого. В конечном итоге такая церковно-историческая иллюзия привела к печальным последствиям для церковной жизни на Украине, дающих о себе знать и в настоящее время.

Первая часть исследования определяет методологическую доминанту, относительно которой заданная тема может иметь более глубокое и объёмное раскрытие.

В Главе 1 излагается статистический аспект исследуемого вопроса. В этом отношении осуществлены довольно детальные изыскания различного достоинства, диапазон которых колеблется от умеренно-рациональных до пафосно-эмоциональных.

К первой категории можно отнести исследования митрополита Феодосия (Процюка), Ивана Биланича, протоиерея Кирилла Фотиева, Ксении Хомчук, Михаила Садиленко, Василия Свистуна.

Митрополит Феодосий (Процюк) предлагает весьма детальный анализ истории украинского православия в первой половине XX века. Определяющая мысль автора заключается в том, что революционный радикализм украинской церковной жизни оторвал её от вселенской православной традиции и вверг в дебри волонтаристских действий, приведших к очевидной маргинализации украинской церковной жизни.

Изыскания Ивана Биланича отличается последовательной и убедительной церковно-канонической оценкой украинского православия в отмеченный период. На примерах Священного Писания и Священного Предания он указывает на искусственность теоретических и практических доводов ведущих деятелей украинского церковного реформаторства.

Исключительно детальной в статистическом смысле и довольно корректной в идеологическом, следует полагать книгу «Церковь вне церковной ограды» под общей редакцией Ксении Хомчук. Искренняя попытка авторов этого исследования указывает на метаисторическую беспочвенность радикальной украинской церковной идеи, бесцельно вращающейся в системе координат «трёх Римов». Столь убедительная фактологическая констатация свидетельствует о том, что даже в среде украиноцентристских изыскателей нет единого и согласованного взгляда на сущность украинской церковной идеологии. В данном случае вывод заключается в том, что в украинской церковной идее отсутствует некая фундаментальная основа, которая была бы залогом её единства и целостности.

Следующей группе исследований по данной тематике свойствен определённый «апогетический» подтекст. Здесь весьма чётко обозначено стремление представить украинскую церковную идею как естественное следствие исторического процесса, обеспечивающего украинскому

церковному движению достоинство завершённости и самодостаточности. В таком контексте развёртываются творческие поиски Александра Лотоцкого, Ивана Власовского, Михаила Кобриня, Владимира Рожко.

Александр Лотоцкий особое внимание уделил «каноническим обоснованиям» радикального движения в украинском православии. Но его попытки имеют характер скорее всего статистически-обзорный, нежели аналитически-обосновывающий. Эволюционность церковного права не находит подтверждения в революционности.

Пространные описания Ивана Власовского производят впечатление нескрытой тенденциозности, излишне драматизирующей церковно-историческую неудачу украинского православия. За детальным статистическим изложением присутствует идеологическая односторонность, вынуждающая данное исследование отнести к разряду выразительным образом заангажированных.

Неким творческим недоумением является исследование Михаила Кобриня относительно богослужебного языка. Невзирая на высокий профессиональный опыт, автор так и не смог преодолеть «революционный пафос» времени, пытаясь обосновать логичность и естественность украинизации богослужения.

Также имеются исследования с выразительным документально-протокольным содержанием. К ним можно отнести материалы, имеющих отношение к различным общецерковным мероприятиям в истории украинского православия. В значительной степени на таком основании построены изыскания Демида Бурко и Митрофана Явдася.

Для творческой разработки намеченной темы возникла необходимость расширить её церковно-исторический ракурс. Этому вопросу и посвящена Глава 2 Части I. Поскольку украинское церковное

движение с общенсторической точки зрения представляется явлением производным, то его целесообразно определить в контексте исторической интегральности, каковой в данном случае выступали имперские образования.

Соответственно, рассматривается и события, имеющие непосредственное отношение к взаимодействию этих образований. Таковыми событиями являются две мировые войны и наиболее значимые исторические катаклизмы в промежутке между ними. Исходя из этого, украинское церковное движение представляется как одна из производные общеевропейского исторического процесса, получившего качественно новое направление после Первой мировой войны.

Общим итогом исторического потрясения мирового масштаба стало крушение интегральных имперских систем и крайняя радикализация общеевропейской политической жизни, непосредственным образом проявившаяся и в церковной сфере.

Наиболее болезненным деформациям подверглись церковные образования, оторвавшиеся от своей архетипной основы. К ним относится и украинское церковное движение, сделавшее ставку на «революционную парадигму», которая привела его к волонтаристскому реформаторству и откровенному политиканству.

Не обошёл его стороной и «большевистский пафос», отмеченный митинговыми требованиями в вопросах исключительно церковной компетенции. Как результирующая такого процесса – вульгарная идеологизация церковной жизни.

Столь выразительна радикализация церковной проблематики непосредственным образом зависела от мутационных факторов, которым подверглось русское архетипное основание. В конкретной исторической реализации это искажение обнаружилось как

Октябрьский переворот 1917 г., а затем последовавшая за ним Гражданская война, завершение которой должно было окончательно обозначить дальнейший путь развития.

Радикальная «красная» идея победила консервативную «белую», что определило и судьбу церковного развития. Для украинского церковного движения по причине его маргинальности это означало, что оно будет приспособливаться к существующему режиму. Такая неизбежность ещё более усугубляла его трагическую участь, поскольку тоталитарная природа большевизма жёстко поставила перед Церковью вопрос жизни и смерти. В столь бескомпромиссных условиях всякая маргиналия была обречена.

Определённая надежда на возрождение украинского церковного движения появилась во время Второй мировой войны. Однако и она оказалась призрачной. В столкновении двух тоталитарных мирозрений о какой-либо церковной самостоятельности не могло быть и речи. Некоторые перемены в условиях общеевропейских катаклизмов имели временный характер, поэтому после завершения войны украинская церковная идея получила весьма невыразительную возможность существования только в пределах диаспоры.

Следовательно, в творческом отношении перспективным является исследование украинского церковного движения с общ исторической точки зрения, которая позволяет выявить его сущностные особенности в переломные периоды европейской истории.

Вторая часть изыскания анализирует воздействие на формирование украинской церковной идеи интегральных исторических факторов.

Глава 1 определяет дифференцирующие последствия первой мировой войны. Межимперские противоречия вызвали к жизни

«революционную парадигму», которая в начале XX века стала знаменем времени. Европейское глобальное противостояние кардинальным образом изменит «картину мира». Для европейского оптимизма, имевшего место накануне войны, она окажется устрашающей. Разрушенное имперское интегральное пространство породит радикальные политические движения и они будут доминирующими геополитическими образованиями в первой половине XX века.

Война между Россией и Германией обернется роковыми последствиями. После безуспешной дипломатической инициативы со стороны германского руководства, было принято решение задействовать «революционный фактор» в недрах русского многовекторного политического пространства. Ставку сделали на радикальных социалистов-большевиков.

Проницательные аналитики того времени предрекали развитие событий по наихудшему сценарию. Единомышленниками в этом отношении оказались Тойнби, Бальфур, Палеолог, Черчилль.

Злая ирония заключалась в том, что содействовали революционному развитию именно имперские структуры, наименее заинтересованные в этом. Весьма показательно, что в перечне революционизирующих факторов оказался и «украинский вопрос». Таким образом, украинская идея изначально была приобщена к революционному пафосу. Этот пафос будет сопутствовать ей, параллельно отражая пафос политический. Его логика развития приведёт к тому, что большевистский радикализм из политической сферы перенесется и в церковную, носителями которого и станут украинские церковные революционеры.

Таким образом, «революционный поиск» вследствие дифференцирующих факторов мировой войны, становится и

церковной проблемой, которая в украинском случае приобретает особую остроту. Церковная дифференциация как бы обретает достоинство производной второго порядка в контексте дифференциации государственно-политической.

Глава 2 уделяет внимание раскрытию метафизической и исторической сущности феномена большевизма. Он как бы явился полной неожиданностью для европейской респектабельной политической мысли. Однако русское философское и художественно-литературное осмысление предвосхищали это явление как одну из внутренних тенденций русской истории. Она прозревалась в пророческих озарениях Ф.М.Достоевского. Философское обоснование весьма убедительно представлено в творческом наследии Н.А.Бердяева.

Большевизм претендовал на религиозную всеобщность и мировоззренческую тотальность. С политической точки зрения это свидетельствовало о том, что как государственному образованию ему будет присуща претензия на абсолютную власть не только над материальной жизнью, но и духовной. Это обернется полной бескомпромиссностью ко всякому иному мировоззрению. Церковность же подвергнется всеобъемлемому изживанию из всех сфер народной жизни.

Под властью такого режима вынуждена была выживать и украинская церковная идея. Вполне понятно, что перспективы её развития в таких условиях были крайне пессимистичны.

История предложила несколько вариантов решения внутренних проблем разрушенной целостности русского имперского пространства. Результирующая этого поиска окончательно обозначилась в Гражданской войне. Как оказалось, наиболее жизнеспособной была революционная пассионарность, соответствующая духу того времени.

С церковной точки зрения очень убедительно эти обстоятельства изложены в книге митрополита Вениамина (Федченкова) «На рубеже двух эпох». Глава 3 исследования и указывает на особенности противостояния «белой» идеи и «красной».

Белое движение представляло консервативные ценности, к которым естественным образом приобщались и церковные. Однако в схватке с неудержимым революционным энтузиазмом, который соответствовал общим настроениям переломной эпохи, оно было обречено. В конечном итоге, как отмечает митрополит Вениамин, победили «большие бесы». С ними в своей трагической судьбе столкнётся и украинское церковное движение.

Знаковой вехой в истории украинского православия явилась Вторая мировая война. Как глубинный перелом мирового масштаба, она в определённой степени стимулировала и церковную жизнь в контексте неизбежных перемен вследствие глобального конфликта.

На самом деле произошла лишь некоторая смена декораций. В мировой схватке столкнулись два тоталитарных режима, порождённых радикальными тенденциями первой половины XX века.

С метафизической точки зрения они стали итогом аббераций архетипных основ русской и германской истории. Поэтому церковному возрождению ни советский большевизм, ни германский нацизм не давали никаких шансов. Церковная политика Третьего Рейха имела чисто прагматический характер, преследуя временные цели в условиях непримиримой идеологической борьбы.

Для украинского церковного движения это переломное время обернулось только обострением внутренних противоречий, поэтому надежда на «церковный ренессанс» так и осталась очередной иллюзией.

Внешние и внутренние особенности этого исторического периода изложены в Главе 4 диссертации.

В Главе 5 анализируется политика советского режима по отношению к Церкви в целом и церковным маргиналиям в частности.

Весьма детальное изложение этой политики представлено в исследовании Герда Штриккера «Русская Православная Церковь в советское время».

С точки зрения статистики такая политика имела катастрофические последствия, поскольку была нацелена на тотальное упразднение Церкви как таковой.

И всё же, невзирая на отчаянные усилия, она не смогла искоренить архетипные основы церковности, олицетворением которых была каноническая Церковь.

В борьбе с ней советский режим прибегал к содействию маргинальным обновленческим течениям. Таким образом, произошла своеобразная политизация церковной жизни, нацеленная на идеологическую дискредитацию Церкви.

В русле такой идеологической тенденции развёртывалось и украинское церковное движение. Как маргинальное образование, оторванное от архетипных основ, оно полностью оказалось во власти идеологической заангажированности, что повлекло за собой неизбежную дифференциацию его церковного пространства.

В конечном итоге, все эти причины привели к тому, что тоталитарный антицерковный режим на официальном уровне упразднил церковные маргиналии, в том числе и украинские.

Глава 6 подытоживает аналитический обзор Части II. Определяющий вывод заключается в том, украинское церковное движение в поиске самоидентификации и своего места в раздробленном

церковном пространстве обнаружило все признаки отсутствия цельного церковного самосознания и зависимости от динамически меняющихся внешних обстоятельств.

Если детально проанализировать этапы исторического раскрытия его содержания, то можно прийти к заключению, что оно искало подтверждение своей легитимности не в осознании единства со вселенским православием, а в устремлении соответствовать временным государственно-политическим обстоятельствам. Поэтому естественным следует считать и восприятие им большевистского режима, к которому оно стремилось приспособиться, чтобы выжить.

Третья часть исследования уделяет внимание идеологическим тенденциям украинского православия в первой половине XX века. В Главе 1 отмечаются его внутренние особенности, формирующиеся под воздействием определённых исторических факторов.

Украинскому церковному самосознанию присущ специфический осадный синдром, основывающийся на устойчивых мифологемах. В своей исторической судьбе оно определило для себя двух извечных противников: «российское православие» и «польский католицизм». Столь субъективное восприятие исторического процесса и породило многочисленные фобии этого самосознания. Они привели к тому, что и общецерковную историю оно оценивает преимущественно в негативных аспектах. Это обстоятельство в очередной раз подтверждает маргинальность его сущности.

Практическая реализация радикальной украинской идеи наиболее выразительно осуществлялась в лице Василия Липковского, одного из самых видных инициаторов так называемого «самосвятства». В Главе 2 представлены его церковно-канонические взгляды, которые он пытается обосновать в контексте революционного времени.

Основой своих апологетических изысканий Липковский представляет «соборноправность». Это церковно достоинство в понимании Липковского изымается им из тысячелетнего опыта вселенского православия и выступает в качестве коллективного сознания современной ему эпохи, жаждущего немедленных перемен.

Вследствие такого смещения акцентов, утрачивается церковно-каноническая корректность, на смену которой приходит субъективный произвол волюнтаристского реформаторского порыва. Эту черту доктринёрства Липковского отмечают как православные, так и инославные исследователи.

Теоретическое обоснование украинского церковного радикализма в значительной степени принадлежит одному из идеологов украинского церковного движения Александру Лотоцкому. В своих творческих изысканиях он пытается обосновать церковно-правовую легитимность украинской автокефалии. Ему не удалось представить однозначную точку зрения в этом отношении, поскольку он вынужден был ограничиться только историческим обзором канонических определений Вселенской Церкви, из чего никак нельзя было вывести церковно-правовые решения для конкретно сложившихся исторических обстоятельств.

Поскольку в этом смысле сложилось столь неопределённое положение, то Лотоцкому не оставалось ничего другого как собственными усилиями конкретизировать его. В таком подходе характерная особенность украинского церковного реформаторства в целом: создавать церковные прецеденты в XX веке.

Апологические усилия Лотоцкого как представителя «нового церковного мышления» имеют формальный характер: за детальным изложением церковной истории и обилием библейских ссылок теряется

целостность вселенского православного мировоззрения, объединяющего все эти свидетельства в единую стройную систему. Он же пытается обрести эту непротиворечивость в критической переоценке церковного наследия, полагаясь на «творческую интуицию» современности. Такова логика «церковного обновления» XX века.

«Каноническая теория» Лотоцкого излагается в Главе 3.

В Главе 4 представлены особенности экклезиологического новаторства украинских церковных радикалов. Основная суть их маргинального мышления заключалась в том, что частное они стремились сделать общим, исключение – правилом. Оказавшись за пределами общеправославной церковной традиции, вынуждены были созидать свою концепцию на иных основаниях. Вполне естественно, что в этом случае обратились к критическим изысканиям протестантских исследований.

И здесь присутствовало очевидное противоречие: полагать себя принадлежащими к православию и в то же время искать его истоки в фрагментарных источниках реформаторского критицизма.

Вследствие «архиерейской хиротонии» Василия Липковского возникла необходимость теоретического обоснования этого действия. И тогда приступили к его «демократическому» осмыслению.

В контексте такого подхода формируется и отношение к древним источникам. Если нет речи о монархическом епископате, то они подлинные, если же об этом имеется свидетельство, то их следует отнести к подложным.

Известна истина: всякой идеологии присуща технология конструирования её концепции, которую можно построить на основании определённого подбора соответствующих текстов. Вероучительный корпус Кафолической Православной Церкви зиждется

на цельной основе. Эта целостность предполагает непротиворечивое сочетание её составляющих: историческую, догматическую, каноническую и т.д. Вследствие этого, они становятся достоянием общецерковного опыта, принадлежащего всем Поместным Православным Церквам.

На протяжении длительного исторического времени церковное устройство формировалось как непрерывный органический процесс, который должен был привести к гармонии. В этом смысле церковная структура совершенствовалась и достигла своего завершения как трехуровневая иерархическая последовательность. Со всеми прочими особенностями Церкви, эта иерархическая завершённость свидетельствует о её полноте. На этом удостоверении и основывается православие как таковое, располагающее теоретическим и практическим обоснованием своего завершённого устройства.

Украинское церковное реформаторство можно рассматривать как некий церковно-исторический рецидив, претендующий на самодостаточность. Совершив «лишковский прецедент» как волюнтаристское действие, оно предприняло усилие теоретически обосновать его. Но столкнулось с очевидным противоречием и оказалось в двусмысленном положении: как бы прибегло к методам классического протестантизма, в то же время полагалось на свою принадлежность к православию.

Логичным и закономерным стал и плод такого церковно-реформаторского созидания: к протестантизму примкнуть не могли, а православный мир не принял их. Противоестественный прыжок к «первоначальному христианству» минуя тысячелетний опыт Церкви, и не мог привести к чему-либо другому.

В Четвёртой части обозначены определяющие признаки украинского церковного реформаторства. В Главе 1 рассматриваются практические аспекты актуализации украинской церковной идеи.

Наиболее радикальное направление предполагало полную независимость украинского православия от русского. Для инициаторов такого решения несомненным являлось то обстоятельство, что в самостоятельном украинском государстве должна быть автокефальная церковь. Конкретным образом эта тенденция оформилась в соответствующий закон, изданный Директорией и опубликованный 1 января 1919 года.

Весьма характерно, что именно Директория издаёт такой закон, в чём усматривается стремление согласовать полную государственную независимость с церковной. Это и стало источником автокефального варианта украинского церковного движения. Поскольку он должен был осуществиться в контексте государственной независимости, его доминирующими тенденциями в большей степени являлись идеологические предпосылки, нежели церковные. Из этого следует требование полной украинизации Церкви, обязательного присутствия «народно-национального» элемента в богослужении и т.д.

Следующая волна украинской автокефалии предприняла попытку своей актуализации в эпоху Второй мировой войны. В это время особенно отчётливо обнаружилась многовекторность украинской церковной идеи. Известно, что на оккупированных территориях начался так называемый «церковный ренессанс». В определённой степени германские власти содействовали открытию православных храмов, образованию церковных общин и т.д. Не преминуло воспользоваться этим и украинское церковное движения.

Помимо радикального автокефального оно было представлено и более умеренным – автономным.

Перспектива актуализации украинской церковной идеи в условиях войны могла иметь только временный характер. На территории Украины ни автономный, ни тем более автокефальный статус не имел будущего.

Анализу вероучительных особенностей украинской церковной реформы посвящена Глава 2.

Основой украинского церковного реформаторства стала своеобразная национальная идея. В контексте этой идеи формировалась и соответствующая историография, приводящая в недоумение объективное историческое сознание.

В вероучительном аспекте на передний план выдвигаются вопросы идеологической направленности. Такое определение как «национальная церковь» становится основой всего. Столь деформированное национальное самосознание, естественно, вносит аберрацию и в церковное.

Неисторичность украинских реформаторов заключалась в том, что они «по-революционному» отрицали последовательный исторический путь развития государства и Церкви. В большевистском стиле намеревались до основания разрушить старый мир, чтобы затем всё строить по своему разумению. Поэтому и стали в своих определениях излагать нелепицу наподобие отмены «церковнославянского языка с российским изводом», «московских облачений», «почитания российских подвижников православия и святых».

Особенно навязчивой в украинском церковном реформаторстве стала идея национальности и языка. В этом вопросе наиболее ярко

обнаруживается церковная маргинальность украинской идеи, отрывающей себя от вселенской целостности Церкви и ввергающей в идеологические дебри политического момента.

Украинская церковная идея осуществляла своё бытие не только в пределах Украины. В Главе 3 отмечены наиболее значимые этапы в истории украинской церковной диаспоры. Следует указать, что она как в политическом, так и церковном отношении отличается большим разнообразием.

История украинской православной диаспоры развёртывалась не столь драматично по сравнению с церковным движением на Украине. В то же время она глубоко ощущала оторванность от родной почвы, что в значительной степени способствовало её дроблению и обмельчанию.

Как бы подтверждением такого пессимистического заключения может быть мысль, высказанная в авторитетном украинском исследовании: «Никакой украинской диаспоры нет и никогда не было... Украинский народ не способен жить на Чужбине. Он разлагается быстрее, нежели умирает».

Глава 4 предлагает аналитику современного состояния украинского церковного движения. Самый важный вывод заключается в том, что его «генетическая предрасположенность» сопутствует ему и по сей день.

Из вышесказанного следует, что в этом процессе выработался устойчивый алгоритм, которому украинская церковная идея привержена на всех этапах своего развития.

Первые два, как известно, осуществились в контексте двух мировых войн и во временном аспекте относятся к первой половине XX века. Они и определили суть украинского православного движения,

главным побуждением которого является извечное стремление к «независимости».

К нашему изысканию в исследовательском смысле непосредственное отношение имеют первые два этапа. Они и были подвергнуты анализу относительно внутренней и внешней логики развития украинского православия. Исходя из аналитического вывода, можно было предвидеть дальнейшую тенденцию православного движения на Украине. И нужно отметить, что выработанный им алгоритм действий нисколько не изменился.

Его характерная особенность, как колебание «между Римами», сохранилась, невзирая на то, что Украина стала независимым государством. Русский церковный архетип так и остался глубинной внутренней проблемой украинского православия. Это лишний раз подтверждает ту точку зрения, что ему сопутствуют «родовые болезни», неизбежным образом всплывающие во время кризисов.

В Главе 5 обозначены универсальные методологические принципы, приемлемые для аналитического осмысления всякого исторического явления, которое имеет свои внутренние и внешние особенности.

В историографическом аспекте представляет интерес метод Освальда Шпенглера, основывающийся на морфологическом соответствии конкретного исторического процесса и эпохи, в контексте которой он осуществляется. Если этот процесс стремится соответствовать духу времени, то выхолащивается его внутренняя глубина, а внешнее его выражение подвергается многочисленным метаморфозам, до неузнаваемости искажающих его истинную сущность.

Нечто подобное и случилось с украинской церковной идеей. Оставшись без архетипного основания, она подвержена болезненным

воздействиям внешних обстоятельств, отчего её неизбежными спутниками становятся дифференциация и маргинализация.

Не лучшим образом обстоит дело и с внутренним благополучием этой идеи. Церковь в своей миссии непротиворечиво актуализирует архетипную глубину в современность. На это убедительно указывает аналитика Карла Юнга. Если отсутствует такая гармоническая актуализация внутреннего во внешнее, то возникает глубинное противоречие, чреватое болезненными срывами и фобиями.

И в этом случае украинская церковная идея является яркой иллюстрацией. Противоречие между архетипным основанием и его внешней актуализацией обернулось для украинского православия затяжным «церковным неврозом».

Заключительная часть диссертации указывает на «родовые болезни» украинского православия на всех этапах его развития. В данном случае присутствует весьма существенное условие: для полной самодостаточности как в церковном, так и государственном отношении необходимо располагать полноценным внутренним ресурсом.

Закономерно, что после Первой мировой войны ничего не получилось ни с независимостью государственной, на тем более с церковной. Даже государственного ресурса, пусть ослабленного и искажённого русского имперского пространства, оказалось достаточно для того, чтобы удержать в своём поле тяготения украинскую «окраину».

Очень важным следует полагать то обстоятельство, что украинская церковная независимость непосредственно привязывалась к государственной. В соответствии с этим и расставлялись церковные акценты. Они колебались от умеренной церковной политики Центральной рады до радикальной со стороны Директории.

В зависимости от этого и украинское православное движение приобретало соответствующий ракурс. Подобная тенденция свидетельствовала о том, что достигнуть самодостаточной церковной самобытности ему буде очень сложно. Этапы его исторической реализации на это и указывают.

Все особенности украинского православия поэтому имеют вполне отчётливый оттенок драматизма, обнаруживающего его внутреннюю и внешнюю дисгармонию.

Существенной внутренней проблемой оказалась разобщённость украинского православия на несколько церковно-канонических ориентаций: промосковскую проконстантинопольскую и третью, полагающуюся на «абсолютную» независимость. В итоге никогда не прекращалась внутренняя борьба, ослабляющая украинское православие в целом.

Первый этап украинского православного движения завершился разгромом маргинальных церковных образований, которые смогли найти для себя хоть какой-то образ существования только в диаспоре. Сама же диаспора подверглась болезненным метаморфозам в процессе формирования своего церковного пространства.

Второй этап как надежда на украинский «церковный ренессанс» во время Второй мировой войны также не состоялся. Он только усугубил внутренние противоречия, которые с особой силой проявились в деятельности различных украинских православных объединений за границей.

Третий, современный этап, оказывается как бы более благополучным и обнадёживающим. Одна из существенных составляющих такого оптимизма – независимая Украина.

На самом же деле пришлось убедиться в том, что старые болезни и фобии украинского национального самосознания, как трагическое наследие от первых двух этапов, далеко ещё не изжиты. В государственной политике это обнаруживается как навязчивый комплекс по отношению в «старшему брату». В церковном же отношении обстоятельства складываются ещё более драматично, поскольку архетипная основа здесь гораздо глубже.

Потерпело неудачу украинское православие и в попытке быть выразителем украинского национального самосознания. В этом отношении украинский греко-католицизм оказался весьма эффективным оппонентом, отчего украинское православное движение уже не располагает монопольным национальным пафосом.

Расколота и его архетипная самоидентификация, что стало подлинной трагедией для него в историческом и церковном бытии. Неистовое идеологическое стремление к самодостаточному украинству не смогло, тем не менее, искоренить глубинную русскость. Показательно, что это внутреннее раздвоение неосознанно демонстрируют и нынешние украинские церковные идеологи, употребляя кентаврическое словосочетание «Русь-Украина».

Поэтому вполне понятно, что невозможно «родить» нечто цельное, не обладая цельностью в своей метафизической, церковной и исторической сущности, Украинское православное самосознание пока продолжает показывать отсутствие таковой. Его противоречивая природа до сих пор не преодолена. Похоже, что на пути к столь желаемой гармонии ещё много трудностей и испытаний.

Teoretický a praktický přínos disertační práce

Научная новизна диссертации заключается в историческом и методологическом аспектах. Исторический аспект определяет производность украинской церковной идеи от интеральности русского церковно-исторического архетипа, который вследствие глобальных исторических катаклизмов подвергся существенным деформациям. Производность стала причиной высокого уровня маргинальности и низкого архетипности, что непосредственным образом сказалось на исторической судьбе украинской церковной идеи и её реформаторских усилиях. Методологический аспект обозначил морфологическую зависимость украинского церковного реформаторства от идеологических и политических тенденций, а также его склонность к прогрессирующему дроблению некогда единой церковно-исторической целостности.

Теоретическое значение. Более чётко обозначенная аналитическая оценка исследуемого исторического явления относительно соответствующего терминологического аппарата позволяет рассматривать региональные церковно-исторические образования в контексте общетеоретической основы историографии. Такая возможность является залогом объективного осмысления исследуемого объекта и учётом тенденции его развёртывания как церковной так и государственно-политической перспективы.

Практическое значение. Методологический принцип аналитических парадигм в историографии может иметь весьма эффективное конкретное применение в научно-исследовательских, учебно-образовательных и прикладных социальных программах.

Summary

Mgr. Oleksandr Belya

Ideological and Reforming Flows in the Ukrainian Orthodox Church in the first half of the 20th century

The analytical review of the Ukrainian Church Movement of the first half of the 20th century was done in the performed investigation. The leading direction in the investigative process presents the discovery of the movement, which defined its development logic from its appearance up till now.

As to the given task the most reasonable way is to display the very context of the Ukrainian Orthodoxies in the context of the historic cataclysms, caused by the First World War.

Accordingly, there were different aspects of the investigative phenomena in the flow of events, which were connected to its formation, such as the October Take-over in the 1918-1920, the Second World War and the Soviet epoch.

The remarked investigative concept let do definite conclusions.

The Ukrainian Church Movement comprises marginal symptoms which marked its capacity from once integrated Russian governmental, political and Church territory. Consequently, the Church Radicalism of the „revolution pathos“ is characteristic to it, which led to the extreme form of the idiotic Church phenomena, such as „selfsacrifiance“.

With the aim of the expression of the inner tendencies of the investigating historical phenomena, the efficient is to observe the progress of the Ukrainian Church Movement as the only process which put together in the common whole the inner subjective factors and the outer-objective factors. In this case the clearly defined logic of the opening of the contents of

the Ukrainian Orthodoxies is found, which is aimed to its marginal productivity and ongoing differentiation.

The first part of the investigation can be defined as methodological. It shows the complexity of the investigating question. This complexity contains statistic, ideological and analytical compounds.

However the first ones have been fully worked out, our investigation is especially directed to the analytical aspect of the problem. For this reason the general review of done investigations to the topic is presented and the analytical programme of the proposed is marked.

The second part is devoted to the general historical context, because of which, the Ukrainian Church Movement opens its inner and outer variety of forms. The impulse to this process was given by the First World War, as the event of the global size, which qualitatively transformed mostly the European governmental, political and Church space. A result of such global transformation is the revolution radicalism, which was penetrated into the Church sphere in due time.

Especially receptive to it became the Ukrainian Church Idea, which was innerly linked with the process of the Ukrainian national awareness formation. So, the political pathos of the Ukrainian Independence was accepted even by the Radical Church Movement.

In this sense the stages of formation of the Ukrainian Orthodoxies is linked to the governmental, political and Church deformations of the once united Russian Imperial territory.

It has all characteristics of peculiarities of the dramatic consequences of that time.

The great significance for the understanding of the genetic substance of the Ukrainian Orthodoxies has its archetype basis. The reference to it is

defined by the diversity of the historical actualisation of the Ukrainian Church Ideology and Reformation.

Genesis opening of the Ukrainian Orthodoxies can be done by the evolution way, presupposing harmonic realisation of its archetypal sources in the certain historical circumstances. The moderate direction keeps to this principle. The extreme flows acquired the immediate clearance variation of the Church and historical archetype, which bring to the antagonism and illogical decisions in the field of the Church life.

In the third part if the investigation, the antagonism is analysed. The Ukrainian Orthodox Consciousness was formed the Church and religious polarity condition. From one side, this tense was marked by the Russian Orthodoxies, on the other side-by the Polish Catholicism. Consequently, the Ukrainian Orthodoxies was between two dominations, the polarity of which in the definite stage deformed the wholeness of the Ukrainian Church Self confidence. As a result, the lack of the necessary wholeness deprived the Ukrainian Orthodoxies of the monopoly to representation of the national consciousness and the Church Selfsufficiency as the pretencion to the canonical autocephaly.

The contradictory representation of the Ukrainian Church Idea was found as the peculiar lags of the Church life. The most explicit in this sense is Vasil Lipkovskij and his followers initiative. It acquired so grotesque character, that from the Church Canonical Consciousness point of view, it had unambiguous mark.

Properly uncertain should be take for granted the theoretical efforts of Aleksander Lotockij in the context of the Church Canonising. His attempt of the Church and Canonical motivation of the practical realisation of the Ukrainian Church Idea looks like artificial. The same scheme, although scientific was found as insufficient, in order voluntary actions of the Church

Reformers contradictory came into the real material of the millinery experience of the Global Church.

The fourth part of the dissertation presents the most essential peculiarities of the Ukrainian Church Deformation. Its believe teaching motivation relies exceptionally on the national idea, which is doubtful from the Global Orthodox tradition point of view.

In this case the brightest illustration of „the scientific discoveries“ by Ivan Ogijenko should be considered. The marginality of his theological thinking is so expressive, that for the traditional Church consciousness is demonstrated like rarity. In this style all the rest theological concepts of the Radical Ukrainian Reformation are built.

The history of the Ukrainian Church Immigration is also full of deep dramas. Its speciality is the circumstance, that it was exposed to more intense differentiation than in Ukraine. Even more felt here was the lack of the archetype basis, which was to the great extend contributed by the unavoidable assimilation.

As it was above mentioned, the history of the Ukrainian Church Movement can be structured relatively by generally historic cataclysms. The contents of the first half of the 20th century was defined by two World Wars.

The results of the First World War, defined the hypothesis of the Ukrainian Independence to some extend. There was hope for the governmental and Church selfsufficiency. But these believes did not come true. There was no definite inner recourse for the governmental and Church Independence.

During the Second World War some symptoms of the „Church Renaissance“ were displayed, which were stimulated by the Church politics of the Third Reich. But this was only the temporary pragmatic decision.

Totalitarian regimes according to definition did not presume any Church Independence.

The third „wave“ of the actualisation of the Ukrainian Church Movement became real after the downfall of the Soviet regime. Ukraine has the title of the Independent State. But the Ukrainian Orthodoxies itself, has no the necessary inner recourse for the canonical autocephaly so far. It still has „genus illnesses“ of the first half of the 20th century. Its „genetical predisposition“ display itself in an ongoing marginalisation and differentiation.

In the context of the analytical thinking of the investigating work from the general history point of view the Ukrainian Church Movement can be defined with the help of analytical analogies.

Its outer capacity was formed by the effort morphologically conform to time. This showed to the lack of links with the deep Church archetype, which became the cause of mournful metamorphoses. Its inner capacity was deserted by impossibility of the harmonious actualisation of the archetypical basis in the certain historical factors.

In the end, the Ukrainian Orthodoxies is declined to inner and outer deformations. These lead to the fact that up till nowadays it can not reach the unity and the wholeness in its historical existence.

In the final part, the still alive „genetical predisposition“ of the Ukrainian Orthodox consciousness is marked. It has been staying in the search for its whole and unit yet, suffering from the inner ruptures and the outer indefiniton.

Výčet nejdůležitějších použitých pramenů, literatury a dalších odborných zdrojů

a) prameny

АЛЕКСІЙ Архієпископъ. Къ исторіи Православной Церкви въ Польше за десятилетіе пребыванія во главе ея Блаженнейшаго Митрополита Діонисія (1923 – 1933), Синодальная Типографія. Варшава 1937.

БИБЛИЯ, Священное Писание Ветхого и Нового Завета. Брюссель 1989.

ВЛАСОВСЬКИЙ І. Нарис історії Української Православної Церкви, Ньюйорк 1955, Том IV - частина перша – друга. Рерпринтне видання. Київ 1998.

ГАРАЩЕНКО Іван священник. Матеріали до історії Української Автокефальної Православної Церкви. Українське Православне Братство ім. Митр. Василя Липківського З.Д.А. Нью Йорк – Чикаго 1975.

ГРУШЕВСЬКИЙ Михайло. Ілюстрована історія України, з додатками і доповненнями, Бао. Донецьк 2007.

ДРАБИНКО Александр. Православие в посттоталитарной Украине (вехи истории), Издание Свято - Успенкой Киево - Печерской Лавры. Киев 2002.

ДРУГУЙ Всеукраїнський Православний Церковний Собор УАПЦ 1927. Національна Академія Наук України. Київ 2007.

ЗАЛІЗНЯК Марія – редактор. Головні засади Української Автокефальної Православної Церкви. Львівське крайове ставропігійне братство св.ап. Андрія Первозваного. Львів 1999.

ЗІНКЕВИЧ Осип - ВОРОНИН Олександр - упорядкували зредагували. Мартирологія Українських Церков. Том І. Українська

Православна Церква. Документи, матеріали, християнський самвидав України. Українське Видавництво „Смолоскип“ ім. В. Симоненка. Торонто – Балтимор 1987.

КОБРИН Михайло. Про мову богослуження. Рівне 2004.

ЛИПКІВСЬКИЙ Василь Митрополит. Листи 1933-1937, - LYPKIWSKY Vasyl Metropolitan, Letters 1933-1937. Українське Православне Братство ім. Митр. Василя Липківського З.Д.А. California 1980.

ЛОТОЦЬКИЙ О. Автокефалія. Warszawa 1938, Репринтне видання Київ 1999. Том I-II.

ПРОЦЮК Феодисий митрополит, Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917-1943), материалы по истории церкви, книга 36. Крутицкое Патриаршее Подворье. Москва 2004.

РОЖКО Володимир. Відродження Української Православної Церкви на Волині (1917-2006 рр.). Волинська книга. Луцьк 2007.

САДИЛЕНКО Михайло. Сумні наслідки „Липківщини в Українській Православній Церкві. УПЦ Видавничий відділ Київської Митрополії 2005.

СВИСТУН Василь. Криза в Українській Православній (Автокефальній) Церкві. Канада, Вінніпег 1947.

ФЕДЧЕНКОВ Вениамин Митрополит. На рубеже двух эпох, Издательство „Отчий дом“ 1994.

ФОТИЕВ Кирилл прот. /СВИТИЧ Александр. Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии 1917- 1950 гг. Сборник. Крутицкое Патриаршее Подворье. Москва 1997.

ХОМЧУК Оксана. Церква поза церковною огорожею (Розколи і руйнація Української Православної Церкви в пошуках „Константинопільського визнання“). США Чикаго, Іллінойс 2002.

ЯВДАСЬ Митрофан прот. Украинська Автокефальна Православна Церква (Документи для історії УАПЦ). Мюнхен – Інгольштадт 1956.

ЯРЕМА Ростислав священник. Церковные расколы в Украине. УПЦ КМ. Киев 2007.

b) sekundární literatura

АЛЕКСЕЕВ В.А. Иллюзии и догмы, издательство политической литературы. Москва 1991.

БЕРДЯЕВ Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва 1990.

БЕРДЯЕВ Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т.1. Москва 1994.

БІЛАНІЧ Іван. Еволюція Української Православної Церкви в 1917-1942 роках: автономія чи автокефалія, двомовне українсько-латинське видання, переклад з латинської Наталії Царьової. Видавництво „Астролябія“. Львів 2004.

ВОЛКОНСКИЙ А.М. Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Москва 1998.

ГРЮНБЕРГ П.Н. составитель. Материалы по истории Русской иерархии, статьи и документы, издательство Православного Свято-Тихоновского Богословского института. Москва 2002.

Журнал Московской Патриархии. 1931 – 1935, № 1- 24, Москва.

Журнал Московской Патриархии. 1998, № 1, Москва. С. 30-35.

ЗІНЧЕНКО Арсен. Визволитися вірою, життя і діяння митрополита Василя Липківського, видавництво „Дніпро“. Київ 1997.

Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии, Сборник: КАРТАШЕВ А.В. Временное правительство и Русская Церковь, СТРАТОНОВ И.А. Проф. Русская Церковная смута

(1921-1931). БОГОЯВЛЕНСКИЙ Елеферий митрополит, Неделя в патриархии, материалы по истории церкви, книга 5. Крутицкое Патриаршее Подворье. Москва 1995.

ИОАНН (Снычѳв) митроп. Самодержавие духа. СПб. 1995.

История Русскй Православной Церкви в XX веке (1917-1933). (Материалы конференции). Издание Обители Преп. Иова Почаевского в Мюнхене 2002.

ЛЕВИТИН А. - Кранов, ШАРОВ. В. Очерки по истории Русской Церковной смуты, материалы по истории церкви, книга 9. Крутицкое Патриаршее Подворье. Москва 1996.

Науковий збірник присвячений 125 - річчю з дня народження митрополита Іларіона Огієнка. Київська Православна Богословська Академія. УПЦ КП. Київ 2007.

Огласительные поучения свт. Кирилла, архиеп. Иерусалимского. Москва 1882.

ПАЛЕОЛОГ М. Царская Россия накануне революции. Москва 1923.

Памяти отца Василия Зеньковского. Р.С.Х.Д. 1984.

ПОВЕЛЬ Луи, БЕРЖХЕ Жак. Утро магов. Москва 2008.

ПОСПЕЛОВСКИЙ Д.В. Русская православная церковь в XX веке, издательство „Республика“. Москва 1995.

ПРАВОСЛАВИЕ и Уния, Издание Братства преп. Иова Почаевского в Мюнхене 1991.

Православный календарь на 1938 годъ. Изданіе Варшавской Синодальной Типографіи.

РАР Глеб (ВЕТРОВ А.). Пленная Церковь, очерк развития взаимоотношений между церковью и властью в СССР. Посев 1954.

РАУШНИНГ Герман. Зверь из бездны. Москва 1993.

РЕГЕЛЬСОН Лев. Трагедия Русской Церкви. Москва 1996.

СВАСЬЯН К.А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу /Шпенглер Освальд. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1. Москва 1993.

СКУРАТ К.Е. История Поместных Православных Церквей, в двух частях.

Труди Київської Духовної Академії №3. УПЦ КП. Київ 2006.

УТКИН Анатолий. Забытая трагедия. Смоленск, 2000.

ШПЕНГЛЕР Освальд. Закат Европы. Т.1. Москва 1993.

ЮНГ Карл. Психология бессознательного. Москва 1998.

c) l iteratura – zahraniční

BUCHANAN G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923.

FISHER F. Germany's Aims in the First World War. 1967.

FRUS, Russia, W. 1931.

GILBERT M. The First World War. N. Y., 1994.

CHARGUES R. The Twilight of Imperial Russia. L., 1958.

SPENGLER O. Jahre der Entscheidung. Munchen 1933.

TOYNBEE A. Natiotality and the War. L., 1919.

ZEMAN A. Germany and the Revolution in Russia. 1915-1918.

Documents From the Archives of the German Foreign Ministry. L., 1963.

Bibliografická identifikace

Аннотация

В предлагаемой диссертации украинское церковное движение первой половины XX века исследуется относительно последовательного аналитического раскрытия его внутреннего и внешнего содержания. Указанный исторический период является наиболее показательным в этом смысле.

Аналитические выводы в историческом аспекте отмечают производность украинской церковной идеи от интегральности русского церковно-исторического архетипа. Вследствие его аберрации под воздействием исторических катаклизмов, украинская идея обнаружила тенденцию к самодостаточной исторической реализации. Однако отсутствие непротиворечивого согласования её актуального состояния с архетипной основой стало причиной ниспадения до уровня исторической маргиналии со всеми вытекающими из этого последствиями, что непосредственным образом отразилось и на церковной жизни.

В методологическом отношении украинская церковная идея в своём внутреннем и внешнем содержании оценивается с точки зрения аналитических парадигм. В итоге обнаружился высокий уровень её морфологической зависимости и «генетической предрасположенности» к прогрессирующему дроблению своей целостности.

Ключевые слова: украинское церковное движение, украинское православие, украинская церковная маргиналия, церковно-исторический архетип, аналитические парадигмы.

Annotations

In the proposed thesis, the Ukrainian Church Movement of the first half of the 20th century is studied in reference to consequences of the analytik opening of its inner and outer contents. The shown historical period is the most vivid in this sense.

The analytik conclusions in the historical aspect mark the derivation of the Ukrainian Church Idea from the integrity of the Russian Church and the Historical Archetype. Due to its aberration under the exposure of historic cataclysms, the Ukrainian Idea, found the tendency to self sufficient historical realisation. However, the lack of consistent harmonisation of its up to date condition with the archetypal basis, became the reason of the falling to the historical marginalia level with its coming consequences that directly affected the Church life.

Methodologically, the Ukrainian Church Idea in its inner and outer kontent is estimated as to the analytik paradigms. As a result, there was found the high level of morphological dependence and "genetic predisposition" to the progressive fragmentation of its integrity.

The key words: Ukrainian Church Movement, Ukrainian Orthodoxy, Ukrainian Church Marginalia, Church History Archetype, analytik paradigms.